ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Т.Г. НИКОЛАЕВА
(Самара)

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ «ПРЕДИКАЦИЯ» И «ПРЕДИКАТИВНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Обосновывается актуальность изучения проблематики соотношения терминов «предикативность», «предикативное отношение / связь», «предикация». Описаны и критически рассмотрены основные подходы к исследованию данных понятий в современной лингвистической науке. Предложена авторская трактовка терминов «предикация» и «предикативность» в их взаимосвязи друг с другом.

Ключевые слова: *предикация, предикативность, предикативное отношение, вторично-предикативные структуры, предицируемый признак, субъектно-предикатная основа, предмет мысли.*

Следует отметить, что изучение проблематики соотношения терминов «предикативность», «предикативное отношение / предикативная связь», «предикация» имеет длительную историю. Тем не менее данная сфера содержит много спорных вопросов. Основные подходы к этой проблематике целесообразно разделить по нескольким критериям: 1) разграничение / неразграничение предикации и предикативности (выраженное эксплицитно или имплицируемое из контекста); 2) оперирование ими с опорой на собственную или разделенную с другими лингвистами дефиницию; 3) отождествление предикативности со сказуемостью.

Н.Д. Арутюнова употребляет оба термина параллельно, поскольку общим для них понятием выступает отнесение содержания предложения к действительности [1, с. 328]. В словарной статье издания «Языкознание. Большой энциклопедический словарь» (ЯБЭС) 1998 г. предикативность трактуется как «общее, глобальное, логическое свойство всякого высказывания, а также свойство мысли, ее направленность на актуализацию сообщаемого», при этом отмечается, что данный аспект понятия предикативности коррелирует с понятием предикации, основным свойством которой является отнесенность к действительности [26, с. 393].

Близко к этому пониманию высказывается и В.З. Панфилов, согласно которому именно благодаря предикативности / предикации то или иное высказывание воспринимается как сообщение о действительности [19, с. 169]. В.В. Богданов дает семантическую интерпретацию предикативности (или предикации) как отношения «между призначным словом и предметным словом, которое им характеризуется» [4, с. 5].

Присутствие в метаязыке исследования А.Ю. Фоминой терминов «конструкции с первичной (вторичной) предикацией», с одной стороны, и «вторично-предикативные структуры» – с другой, позволяет нам предположить синонимичность понятий предикации и предикативности, поскольку, по мнению автора, «первичной предикацией передаются такие синтаксические категории, как модальность, время и лицо» [23, с. 5], что представляет собой устоявшийся в лингвистических исследованиях взгляд на категории, реализующие предикативность.

Собственно предикативность трактуется как многоаспектное явление. Прежде всего, данная категория определяется как признак, конституирующий собственно предложение и отличающий его от других единиц [2; 6–9; 26 и др.]. Однако подобная трактовка при всей своей неоспоримости не отражает сущности самой категории предикативности.

Понимание предикативности как отнесения содержания предложения (высказывания) к действительности [2, с. 346; 4, с. 5] отражает, скорее, ее функциональное назначение. Соотнесенность с действительностью – это форма выражения предикативности, в то время как сама предикативность представляет собой установление отношений между объектом и приписываемым ему признаком.

Укажем, что большинство исследователей связывают акт приписывания признака пред-

© Николаева Т.Г., 2018

мету с процессом предикации. В рамках же настоящей статьи ограничимся лишь одним определением предикации, согласно которому предикация выступает приписыванием объекту некоего свойства, хотя и уточняется, что это одинарная предикация, при которой не происходит установления никаких других связей номинируемого предмета с другими [24, с. 125].

Предикативность понимается и как грамматическое значение предложения, выраженное категориями синтаксического времени, модальности и лица [11, с. 236]. Довольно абстрактным является определение предикативности В.А. Курдюмова, согласно которому предикативность – это набор определенных формальных признаков, позволяющих говорящему или слушающему воспринимать предложение как элементарное коммуникативное единство, т. е. одно неизвестное определяется через два неизвестных: набор неких признаков и некое коммуникативное единство [14, с. 134–135].

В связи с дальнейшими исследованиями синтаксической семантики среди лингвистов все более популярным становится толкование предикативности как «отношения между носителем признака и предицируемым признаком», при этом акцентируется взаимозависимость данных компонентов в структуре и семантике предложения [11].

Несколько отличный подход к многоаспектности предикативности представлен в концепции Л.К. Дмитриевой (при этом термин «предикативность» приравнивается к термину «предикативное отношение / предикативная связь»). Предикативность в первом, конструктивно-синтаксическом, аспекте представляет собой устанавливаемое говорящим отношение расчленения, взаимообусловленности и соотношения с действительностью по линии модальности, времени и лица, обеспечивающее единство подлежащего и сказуемого в двусоставном предложении и образующее его конструктивно-синтаксическую основу. Второй аспект – семантико-синтаксический – рассматривается как предикационное разделение субъектно-предикатной основы на образующие ее элементы – субъект и предикат. Упоминается и третий аспект – аспект высказывания, объединяющий тему и рему [10].

Таким образом, компонентами отношения предикативности в первом аспекте являются сказуемое и подлежащее, во втором – субъект и предикат, в третьем – тема и рема. В связи с этим в данной концепции можно увидеть зеркальное отражение трехуровневого анализа предложения (зеркальное, поскольку здесь говорится собственно о субъекте и предикате, а не о предикативности): первый уровень – семантический, раскрывающий содержательный аспект высказывания; второй – коммуникативный, компонентами которого выступают логический субъект (тема) и логический предикат (рема); третий – синтаксический, который образуют функциональные члены предложения.

Наша позиция в отношении категории предикативности и связанной с ней категории предикации представляется ниже после анализа толкований последней как в отдельности, так и в соотношении обеих категорий.

Не вызывает сомнений тот факт, что в современной синтаксической науке назрела существенная потребность в применении понятия предикации, тем более что встречается мнение, отождествляющее функции предикативности и предикации как свойства предложения относить содержание высказывания к действительности [21, с. 3]. Так, А.Ф. Прияткина считает, что основу предикации составляет актуализация признака, т. е. его привязка к действительности [20, с. 10]. Из данного определения следует, что понятие о признаке присутствует в ментальной сфере говорящего до его актуализации в речи, о чем свидетельствует определение автором акта предикации как приписывания предмету (или иному объекту) некоторого признака [Там же, с. 62].

Аналогичная позиция у А.Ю. Фоминой, которая, в свою очередь, солидарна с определением предикации в ЯБЭС от 1990 г.: «…это акт соединения независимых предметов мысли, выраженных словами (в норме – предикатом и его актантами) с целью отразить действительность» [23, с. 11].

В ряде работ исследователи стремятся разделить понятия предикативности и предикации в связи с развитием денотативной теории предложения и лингвокогнитивной интерпретации природы языковых единиц. Так, Г.Н. Манаенко, анализируя процесс, результатом которого выступает предикативная единица, представляет предикативность как «сочетание субъективных смыслов, получающих эксплицитное выражение и взаимодействующих с обязательным объективным смыслом (пропозицией)» [17, с. 68]. К сожалению, автор не раскрывает собственного понимания основных терминов данного определения, поэтому довольно трудно выявить принципиальное отличие данной формулировки от вышеприведенных. Правда, в ходе дальнейших рассуждений настойчиво подчеркивается, что

традиционное понимание предикативности как отнесение содержания предложения к действительности – это референциальный аспект предложения.

Полемизируя с авторами статьи о предикации в ЯБЭС от 1990 г., Г.Н. Манаенко считает, что второй этап предикации соответствует чисто грамматическому понятию предикативности [17, с. 69]. Определение предикации как логической операции «приписывания установленного и отобранного мыслящим субъектом конкретного свойства или отношения абстрактному предмету» [Там же, с. 70] позволяет заключить, что предикативность является некоей ступенью конкретизации предикации, тем более что сам автор указывает на несоответствие акта глубинной предикации и предикации в предложении языка, в связи с чем возникает вопрос: что же присутствует в предложении – предикативность или акт поверхностной предикации в противоположность акту глубинной предикации?

Противоречия в метаязыке сохраняются и в ходе последующих рассуждений при выявлении специфики акта предикации, которая состоит в том, что «в нем действует логический оператор – отношение предикации, а не только логический предикат, обозначающий *конкретное свойство, отношение*» [Там же, с. 73] (выделено нами. – *Т.Н.*).

Несмотря на отмеченную противоречивость данной концепции, следует выделить в ее содержании и рациональное зерно: предикация – это «приписывание субъектом абстрактной взаимосвязи каким-либо сущностям», а предикативность – языковая категория, имеющая эксплицитное выражение [Там же, с. 74].

Довольно близко к мнению Г.Н. Манаенко находится позиция Ю.А. Левицкого, чья трактовка предикативности имплицитно содержит ее отличие от предикации. По мнению автора, предикативность выступает формой приписывания признака предмету в соотнесенности с моментом коммуникации [15, с. 49]. Предполагается что в данную «форму» облекается некое содержание, которое, по мысли Г.Н. Манаенко, и есть предикация. В данном определении Ю.А. Левицкого считаем важным указать на становление предикативности в соотнесенности с моментом коммуникации.

Существует также взгляд на разграничение предикации как относящейся к плану содержания и предикативности как относящейся к плану выражения. Эту точку зрения поддерживает Г.В. Колшанский, по мнению которого предикация – это связь или отношение, образующее высказывание, а предикативность – реализованность данной связи [12, с. 24–25]. В.И. Чуглов также придерживается мнения о взаимосвязи данных категорий, принимая толкование предикативности В.В. Виноградовым и считая, что предикативность выражает на уровне высказывания предикацию. Отличительной чертой его понимания предикации является ее отнесение к языковому (речевому) явлению «как приписывание признака предмету, получающее в высказывании определенное грамматическое выражение» [25, с. 7].

Указание на глагол в личной форме как центр предикации в предложении позволяет прийти к заключению, что и М.Я. Блох разделяет указанную точку зрения на предикацию как языковое явление [3, с. 235]. Определение предикации Л.А. Черняховской дает возможность двояко интерпретировать ее природу, т. к. «одинарная предикация есть приписание объекту некоего свойства (не уточняется кто, где и когда производит это приписание. – *Т.Н.*), при котором не устанавливается никаких иных связей именуемого предмета с другими» [24, с. 124–126]. Исследователь выделяет и не совсем понятную групповую предикацию, при которой, надо понимать, устанавливаются и иные связи номинируемого предмета.

В связи с приведенными противоречивыми трактовками категории предикации считаем целесообразным обратиться к словарным дефинициям, из которых ее ментальная природа вытекает более явно.

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой в определении предикации отмечается акт отнесения *предмета мысли* (выделено нами. – *Т.Н.*) к действительности [2, с. 346], хотя данное отнесение и осуществляется в предложении (в его противопоставлении со словосочетанием). ЯБЭС 1998 г. определяет предикацию как «акт соединения двух *предметов мысли* (выделено нами. – *Т.Н.*), которые выражены самостоятельными словами, для того, чтобы отобразить “положение дел” или ситуацию действительности» [26, с. 393], т. е., по сути дела, соотнести данное содержание с действительностью, что является функцией предикативности, как следует из большинства приведенных определений данной категории.

Здесь же в центре внимания находится только «сфера бытования» предикации – в ментальном пространстве человека, мысляще-

го субъекта или в его речи, согласно В.И. Чуглову [25, с. 4].

«Краткий словарь лингвистических терминов» отличается, по нашему мнению, лишь метаязыком, поскольку предикация – некий когнитивный акт: «устанавливаемая посредством речемыслительного акта и выражаемая в структуре предложения связь между предметами мысли: соотношение между некоторой сущностью и ее проявлением (акциденцией) в виде другой сущности, признака или действия, отображающее в рамках высказывания реальное или воображаемое положение дел» [5, с. 90].

В логических словарях предикация однозначно интерпретируется как мыслительное действие: отношение предикации есть «отношение между индивидным концептом и предикатным концептом некоторого суждения» [16, с. 171–172]. В словаре Н.И. Кондакова отношение предикации описывается как абстрактная взаимосвязь между логическими предметами, т. е. всем тем, «на что направлена мысль» [13, с. 413]. Такое определение предикации вполне соответствует понятию предикации как акта познания в схоластической логике [26, с. 393].

Для нашего исследования важным является не только признание предикации как мыслительного акта, но и различение предикативности и предикатности. Предикативность – это синтаксическая категория, а предикатность – семантическая. Первая имеет место тогда, когда непосредственно в предложении устанавливается связь между предметом и признаком (предикатом). То, что представлено предикатным словом, – это «разделенное», входящее в общий фонд знаний участников коммуникации, а не «навязываемое знание» [18, с. 63]. Напомним, что выше мы подчеркнули в определении предикативности Ю.А. Левицкого ее обязательную соотнесенность с моментом коммуникации [15, с. 49]. Думается, что приведенные мнения вполне согласуются с дискурсивной концепцией утвержденной и неутвержденной предикации, согласно которой «глубинное предикативное отношение, лежащее в основе какой-либо номинализации, лишь указывается, но не высказывается» [22, с. 364], т. е. не утверждается в момент коммуникации, следовательно, отсутствует синтаксическое выражение только что возникшей языковой связи, что и представляет собой собственно предикативность.

Таким образом, считаем возможным сформулировать здесь соотношение категорий предикации и предикативности в следующем виде. Предикация как ментальный акт характеризации одной сущности другой сущностью предстает как процесс, результатом которого является предикативность, трактуемая как «понятие, связанное с уровнем членения предложения» [26, с. 392], с одной стороны, и как связь, сопрягающая предикативный признак и носителя предикативного признака (семантический субъект и семантический предикат), – с другой. Другими словами, предикативность выражается на синтаксическом уровне предложения в категориях времени, модальности и лица, на его семантическом уровне – в соотнесенности семантического признака с его носителем. Предикативность в представленном понимании есть результат утвержденной предикации; результатом неутвержденной предикации являются «предикатные» имена, имена событийные и призначные, в более поздней терминологии имена пропозициональной семантики [18].

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. Изд. стер. М.: URSS, 2013.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 4-е изд., стер. М.: КомКнига, 2007.
3. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. 4-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2014.
4. Богданов В.В. Роль вторичной предикативности в построении связного текста // Семантика и прагматика синтаксических единств: межвуз. темат. сб. Калинин. гос. ун-та. Калинин: Изд-во КГУ, 1981. С. 5–13.
5. Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М. Краткий словарь лингвистических терминов. 2-е изд., доп. М.: Рус. яз., 2003.
6. Васильева С.А. Лингвосинергетический подход к исследованию предикативности // Наука. Инновации. Технологии. Сер.: Языкознание. 2010. № 68. С. 76–82.
7. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове): учеб. пособие для вузов / отв. ред. Г.А. Золотова. 4-е изд., испр. М.: Рус. яз., 2001.
8. Гак В.Г. Коммуникативные трансформации и системность средств логического выделения во французском языке // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1975. № 5. С. 49–59.
9. Грамматика современного русского литературного языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1970.
10. Дмитриева Л.К. Осложнение предложения. Функции однородности, обособления, вводности и обращения. Функциональный анализ грамматических категорий. Л., 1973.

11. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. 3-е изд. М.: Либроком, 2009.

12. Колшанский Г.В. Некоторые вопросы семантики в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 5–31.

13. Кондаков Н.И. Логический словарь. М., 1971.

14. Курдюмов В.А. Предикация и предикативность в китайской и русской речи: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999.

15. Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса. 4-е изд. М.: URSS, 2014.

16. Логический словарь: ДЕФОРТ (Дедуктивная формализация теорий) / под ред. А.А. Ивина, В.Н. Переверзева, В.В. Петрова. М.: Мысль, 1994.

17. Манаенко Г.Н. Осложненное предложение в языке и речи: очерки по теории и методологии исследования. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003.

18. Манаенко Г.Н. Предикация, предикативность и пропозиция в аспекте информационного осложнения предложения // Филологические науки. 2004. № 2. С. 59–68.

19. Панфилов В.З. Взаимоотношение языка и мышления. М.: Наука, 1971.

20. Прияткина А.Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения: учеб. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высш. шк., 1990.

21. Саурбаев Р.Ж. Парадигматика осложненного предложения современного английского и татарского языков: автореф. … дис. канд. филол. наук. Казань, 1998.

22. Серио П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / пер. с фр. и португ. М.: Прогресс, 1999. С. 337–384.

23. Фомина А.Ю. Конструкция с вторичной предикацией как средство репрезентации макрособытия (на материале современного английского языка): дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2007.

24. Черняховская Л.А. Смысловая структура текста и ее единицы // Вопр. языкознания. 1983. № 6. С. 117–127.

25. Чуглов В.И. Осложненное предложение: полупредикативные и пояснительные конструкции в современном русском литературном языке (структурно-семантический аспект): дис. ... д-ра филол. наук. Ярославль, 2012.

26. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Рос. энцикл., 1998.

* * *

1. Arutjunova N.D. Predlozhenie i ego smysl. Logiko-semanticheskie problemy. Izd. ster. M.: URSS, 2013.

2. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskih terminov. 4-e izd., ster. M.: KomKniga, 2007.

3. Bloh M.Ja. Teoreticheskie osnovy grammatiki. 4-e izd., ispr. M.: Vyssh. shk., 2014.

4. Bogdanov V.V. Rol' vtorichnoj predikativnosti v postroenii svjaznogo teksta // Semantika i pragmatika sintaksicheskih edinstv: mezhvuz. temat. sb. Kalinin. gos. un-ta. Kalinin: Izd-vo KGU, 1981. S. 5–13.

5. Vasil'eva N.V., Vinogradov V.A., Shahnarovich A.M. Kratkij slovar' lingvisticheskih terminov. 2-e izd., dop. M.: Rus. jaz., 2003.

6. Vasil'eva S.A. Lingvosinergeticheskij podhod k issledovaniju predikativnosti // Nauka. Innovacii. Tehnologii. Ser.: Jazykoznanie. 2010. № 68. S. 76–82.

7. Vinogradov V.V. Russkij jazyk (grammaticheskoe uchenie o slove): ucheb. posobie dlja vuzov / otv. red. G.A. Zolotova. 4-e izd., ispr. M.: Rus. jaz., 2001.

8. Gak V.G. Kommunikativnye transformacii i sistemnost' sredstv logicheskogo vydelenija vo francuzskom jazyke // Nauchnye doklady vysshej shkoly. Filologicheskie nauki. 1975. № 5. S. 49–59.

9. Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka / pod red. N.Ju. Shvedovoj. M.: Nauka, 1970.

10. Dmitrieva L.K. Oslozhnenie predlozhenija. Funkcii odnorodnosti, obosoblenija, vvodnosti i obrashhenija. Funkcional'nyj analiz grammaticheskih kategorij. L., 1973.

11. Zolotova G.A. Ocherk funkcional'nogo sintaksisa russkogo jazyka. 3-e izd. M.: Librokom, 2009.

12. Kolshanskij G.V. Nekotorye voprosy semantiki v gnoseologicheskom aspekte // Principy i metody semanticheskih issledovanij. M.: Nauka, 1976. S. 5–31.

13. Kondakov N.I. Logicheskij slovar'. M., 1971.

14. Kurdjumov V.A. Predikacija i predikativnost' v kitajskoj i russkoj rechi: dis. ... d-ra filol. nauk. M., 1999.

15. Levickij Ju.A. Osnovy teorii sintaksisa. 4-e izd. M.: URSS, 2014.

16. Logicheskij slovar': DEFORT (Deduktivnaja formalizacija teorij) / pod red. A.A. Ivina, V.N. Pereverzeva, V.V. Petrova. M.: Mysl', 1994.

17. Manaenko G.N. Oslozhnennoe predlozhenie v jazyke i rechi: ocherki po teorii i metodologii issledovanija. Stavropol': Izd-vo SGU, 2003.

18. Manaenko G.N. Predikacija, predikativnost' i propozicija v aspekte informacionnogo oslozhnenija predlozhenija // Filologicheskie nauki. 2004. № 2. S. 59–68.

19. Panfilov V.Z. Vzaimootnoshenie jazyka i myshlenija. M.: Nauka, 1971.

20. Prijatkina A.F. Russkij jazyk. Sintaksis oslozhnennogo predlozhenija: ucheb. posobie dlja filol. spec. vuzov. M.: Vyssh. shk., 1990.

21. Saurbaev R.Zh. Paradigmatika oslozhnennogo predlozhenija sovremennogo anglijskogo i tatarskogo jazykov: avtoref. … dis. kand. filol. nauk. Kazan', 1998.

22. Serio P. Russkij jazyk i sovetskij politicheskij diskurs: analiz nominalizacij // Kvadratura smysla:

Francuzskaja shkola analiza diskursa / per. s fr. i portug. M.: Progress, 1999. S. 337–384.

23. Fomina A.Ju. Konstrukcija s vtorichnoj predikaciej kak sredstvo reprezentacii makrosobytija (na materiale sovremennogo anglijskogo jazyka): dis. … kand. filol. nauk. Tambov, 2007.

24. Chernjahovskaja L.A. Smyslovaja struktura teksta i ee edinicy // Vopr. jazykoznanija. 1983. № 6. S. 117–127.

25. Chuglov V.I. Oslozhnennoe predlozhenie: polupredikativnye i pojasnitel'nye konstrukcii v sovremennom russkom literaturnom jazyke (strukturno-semanticheskij aspekt): dis. ... d-ra filol. nauk. Jaroslavl', 2012.

26. Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' / gl. red. V.N. Jarceva. 2-e izd. M.: Bol'shaja Ros. jencikl., 1998.

Critical analysis of the concepts of "predication" and "predicativeness" in modern linguistics

The article deals with the correlation of the terms "predication", "predicative relation / connection", "predicativeness". The author describes and gives the critical analysis of the main approaches to the study of these concepts in modern linguistics. The author's interpretation of the terms "predication" and "predicativeness" in their correlation is given in the article.

Key words: *predication, predicativeness, predicative relation, secondary predicative structures, predicated sign, subject-predicate basis, subject of thought.*

(Статья поступила в редакцию 22.02.2018)

К.И. ДЕКАТОВА
(Волгоград)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ВЕРБАЛЬНОЙ АГРЕССИИ

Описываются разновидности политических фразеологических единиц и их роль в выражении агрессии в политическом дискурсе.

Ключевые слова: *политический дискурс, фразеология, вербальная агрессия.*

В современной политологии политическую деятельность нередко рассматривают как деятельность, важнейшей частью которой является борьба за власть [3, с. 294]. Как и любая борьба, политическая деятельность характеризуется такими признаками, как агональность, агрессивность, которые неизменно проявляются в политическом дискурсе. Поэтому, как справедливо отмечает Е.И. Шейгал, «политический дискурс <…> неизбежно связан с теми или иными проявлениями агрессии, т. е. агрессия, так же, как и оценочность, является неотъемлемой чертой политического дискурса» [8, с. 299]. В политике – разновидности человеческой коммуникации [4, с. 21] – чаще проявляется вербальная агрессия. Этот вид агрессии определяется как речевая тактика, сущность которой заключается в «демонстрации аргументов, убеждение читателя производится в вызывающей манере, резко враждебным тоном» [5, с. 128]. В ряду активно используемых средств выражения агрессии находятся и фразеологические единицы, негативный эмоционально-оценочный диапазон которых позволяет успешно достигать политических целей, дискредитируя соперников, понижая их статус или угрожая им.

Фразеологические единицы, функционирующие в политическом дискурсе, составляют корпус политической фразеологии. Уточним, что такое наименование данной группы фразеологизмов может трактоваться по-разному [6]. Политической фразеологией иногда называют все фразеологические единицы, которые используются в политическом дискурсе. Например, фразеологизм *уши торчат (у чего)* может быть назван политическим, став частью политического текста: *Секретарь ЦК КПРФ Сергей Обухов заявил «НГ», что «легитимности избирательной кампании подобные художества не добавляют, это из серии плакатов «Наш президент – наш выбор», где явно есть намек на Путина». Коммунист назвал данные ролики «профилактикой против оппозиции». Он отметил, что в ролике не видно отсылок ни к одному кандидату – разве что «чуть-чуть зацепили Собчак», – кроме Грудинина. «Все негативное там связано с одним политическим флангом: усатый – как Грудинин – генерал, мальчик в пионерском галстуке, 4 млн руб. – явный намек на будущую инфляцию под красным знаменем. Как мы понимаем, из ролика* ***торчат уши*** *Кремля. Очевидно, что против КПРФ идет целая кампания», – заявил Обухов* (Независ. газ. 2018. 19 февр.).

Генетически не связанный с политическим дискурсом фразеологизм *уши торчат (у чего)* – 'налицо недостатки, недоделки; работа

© Декатова К.И., 2018